

«ЖЕЛТЫЙ ЗВУК»

В «Трактате о духовном в искусстве», исследуя природу цвета, Василий Кандинский писал о нем как о независимой духовной субстанции, способной существовать вне всякой формы и наделенной определенными свойствами. К примеру, голубой цвет, по его теории, выражает чистоту чувств и благородство намерений, желтый — коварство и агрессию, недоверие и низменность инстинктов. Основываясь на своей цветовой символике, Кандинский написал в 1913 году сценическую композицию «Желтый звук». Живопись, музыка, пластика — вот тот синтетический изобразительный язык, на котором художник попытался заговорить с нами о вечном — о добре и зле. Через 60 лет его идеи воплотились в музыкальных образах Альфреда Шнитке, а еще через десять — в спектакле Театра пластической драмы Гедрюса Мацявичюса.

— Когда Шнитке предложил мне сделать спектакль «Желтый звук», я с удовольствием согласился, — говорит Гедрюс. — Абстрактное искусство, и искусство Кандинского в частности, было для меня всегда привлекательным, в первую очередь той свободой, которую оно позволяет ощутить человеку, с ним соприкоснувшемуся. Кстати, ни на одной постановке я не чувствовал себя таким внутренне свободным и творчески раскованным, как на постановке «Желтого звука». В идеях Кандинского, в том числе его теории цвета, я нашел многое созвучное мне самому. Скажем, как и он, я представляю себе желтый цвет порочным и подавляющим, как и он, я верю, что человеческие слабости, кажущиеся порой такими невинными, порождают зло, которое в конечном итоге приближает нас к мировому апокалипсису.

Словом, мы начали работать и в два месяца сделали одноактный спектакль. Пьеса с ее абстрактным сюжетом и условными персонажами давала прекрасную возможность для самой раскованной интерпретации. Но мы постарались сохранить стилистику Кандинского. Она в раскрашенных лицах-масках, в цветных костюмах-символах, в пластических композициях, сложных и многообразных, как композиции самого художника. Трудно ли было? Вообще каждый спектакль — это белый лист, к которому страшно подступиться и который обещает любые неожиданности. В «Желтом звуке» мне хотелось хотя бы приблизиться к пониманию мироощущения двух столь неоднозначных художников, как Кандинский и Шнитке, чтобы максимально точно и выразительно перевести на язык пластики их художественные идеи. Мы все ведь очень разные, и найти точки соприкосновения между образными системами каждого нелегко, но тем и интересна была работа над «Желтым звуком», что, раскрепощая, освобождая человека от стереотипов виденного — и это идет, конечно, от Кандинского, — она позволяет ему докопаться до глубин подсознательного в себе.

...Пять желтых великанов — олицетворение пяти человеческих пороков, исполняя волю Тирана, поражают и уничтожают все окружающее. Бесконечное кладбище человечества, не сумевшего ничего противопоставить злой силе, — вот предостережение, заключенное в философской притче Кандинского.

Л. ДОЛГАЧЕВА.

Соб. издательство - 1989 - 11 июля - С. 5